

## Глава 6: Миссия Рыцарей Красного Пламени

Она вскочила на ноги, повернулась и бросилась бежать. Не прошло и секунды, как она услышала за спиной топот сотен маленьких лапок по земле. Погоня продолжалась. Ее не волновало, что она оставила свой лук и сумку, Туника просто бежала так быстро, как только могла. Она не обращала внимания ни на то, что ее окружало, ни на то, в каком направлении она бежала, потому что знала, что если остановится, то умрет. Звуки пятидесяти пищащих хищников наполнили ее уши. Они шли прямо за ней по пятам.

Смертельная боль в ее руке только усиливалась и распространилась по плечу. Она не осмеливалась взглянуть на свою руку, опасаясь, что это зрелище в конец ее ослабит. Бежать с одной рукой, прижатой к груди, было достаточно тяжело.

Туника не знала, как долго она уже бежала, ей было все равно, но довольно скоро ее ноги устали, а грудь сдавило, дыхание стало прерывистым, легким стало труднее набирать воздух. Но она не могла остановиться, потому что демоны все еще наступали ей на пятки, когда она бежала изо всех сил. Ее не волновали порезы, царапины и ушибы, которые она получала, когда острые ветки протягивались к ней и пытались помешать ей. Кровь сочилась из порезов по всему ее телу, но ей было все равно.

Ноги подкашивались. Один кобранни догнал ее и вонзил клыки в ее лодыжку. Боль была настолько внезапной и ужасной, что она споткнулась и едва не упала, но каким-то образом сумела устоять на ногах, не сбившись ни на шаг. В какой-то момент ей показалось, что она закричала, но она не могла расслышать этого из-за звука своего громкого дыхания или громкого стука своего бешеного сердца.

Боль в ступне распространилась вверх по ноге. Яд в ее плече добрался почти до сердца. Туника знала, что скоро умрет, но не останавливалась. Бегство - сейчас это было ее единственным спасением.

Туника всхлипнула. Из-за этого бежать было намного труднее, но она ничего не могла с собой поделать. Ее переполняли эмоции, когда она приближалась к неизбежности своего конца. Она оплакивала жизнь, которую теряла, и оплакивала друзей и семью, которых оставляла позади: свою младшую сестру Телли, свою мать Саву, Рукшина и его сестру Рику. Она будет скучать по ним, а они будут ужасно скучать по ней.

И последнее, что она сказала своей маме, были те ужасные слова. Боги, какой же идиоткой она была. Это уничтожило бы ее мать.

Ей пришлось рискнуть оглянуться назад. Туника знала, что ей не следует этого делать, говорила себе, что не должна, но она пошла против своего здравого смысла и оглянулась на своих преследователей. Она тут же пожалела о своем решении, увидев, что кобранни были всего в нескольких футах от нее. Один неверный шаг, и она была мертва. Туника знала, что она, скорее всего, уже все равно мертва из-за яда, циркулирующего по ее телу, но она предпочла не быть съеденной заживо. Она снова повернула голову, глядя перед собой.

УДАР!

Перед глазами Туники появились звезды, и боль взорвалась в ее голове, когда ветка застала ее врасплох и ударила по лбу: «Я сейчас умру», - подумала она. Теперь она знала это наверняка. Прежде чем она поняла, что происходит, она уже падала, ее ноги больше не касались твердой земли.

Она сильно ударилась о землю и продолжила катиться вниз по склону, который появился как из ниоткуда. Все в ее существе кричало, боль охватывала ее. Она была «завернута в кокон» агонии. Туника врезалась в кусты и кустарники, ее кололи ветки и били о твердую землю. Она кувыркалась целую вечность, пока не убедилась, что умрет задолго до того, как упадет на землю. Но, наконец, она тяжело приземлилась и больше не двигалась.

Вкус крови наполнил ее рот. Туника попыталась пошевелиться, но ни одна из ее конечностей не повиновалась ей. Все, что она знала - это боль. Левая сторона ее тела горела от яда, а правая нога была вывернута под ужасающим углом. Она подозревала, что у нее сломано несколько ребер и, возможно, даже проломлен череп. Она не была уверена, но на самом деле это не имело большого значения.

Она вывернула шею и оглянулась на холм, с которого упала. Все кобранни были еще недалеко от вершины, но они приближались, продвигаясь медленно и осторожно. Они знали, что с Туникой почти покончено, им не нужно было торопиться.

«Вот и все», - прохрипела она сквозь окровавленные зубы.

Ее зрение, и без того затуманенное тошнотой и слезами, начало темнеть, когда смерть протянула свою руку, чтобы поприветствовать ее. Жгучий яд почти добрался до ее горла и сердца. Ее тело начинало неметь. Это было маленькое благословение, когда она приближалась к своему концу. Кобранни делали успехи, и скоро они доберутся до нее. Я иду к тебе папа.

Она была готова к холодной хватке смерти, но тут услышала голос.

Это началось как самый тихий шепот, настолько тихий, что был совершенно нечленораздельным. Затем это нарастало, пока не стало казаться, что кто-то шепчет ей на ухо, кто-то стоит рядом с ней. Это был голос девушки, не старше ее самой.

«Эша белиа мед тиу кейси элле велли селида».

Голос повторил эту фразу еще несколько раз, с каждым разом громче и отчетливее. Это звучало как язык духов, но Туника не поняла ни одного слова. Это был древний язык, язык, которым не пользовались со времен Богов.

Туника попыталась открыть глаза, но это показалось ей величайшей мукой в мире, как будто

стадо жуков-слонов уселось ей на веки. Она боролась изо всех сил, но ей все-таки удалось их открыть. Именно тогда она увидела источник голоса, девушка стояла у подножия холма в нескольких шагах от нее. У нее были ярко-рыжие волосы, которые выделялись подобно маяку на фоне пышной зелени, окружавшей их. На девушке, казалось, были только листья. На голове у нее была остроконечная зеленая шляпа.

Девушка широко развела руки. Кобранни уже спускались с холма. В правой руке девушки был длинный деревянный посох. Похоже, это была какая-то ветвь. На его верхушке было несколько листьев и красивый золотисто-белый цветок. Туника не знала, было ли это важно, но было приятно увидеть немного красоты перед смертью.

Туника не знала, что стало с девушкой. Она не могла держать глаза открытыми, не могла предотвратить смерть. В конце концов, она не почувствовала никакой боли, так как ее тело полностью онемело. Она была благодарна за это. Ее веки отяжелели и глаза закрылись, Туника пошла встречать смерть, как давно потерянного товарища.

□□□

Миссия началась довольно стандартно для сквайра Доррика Вейна. Он и его отряд отправились в Духовные Дебри по приказу сэра Ногрунда Райма, одного из старших рыцарей их ордена, Рыцарей Красного Пламени. Большинство рыцарей обычно отправлялись на задания с одним или двумя оруженосцами, но поскольку в последнее время в ордене появилось множество стажеров, многие из которых были высшими оруженосцами на грани посвящения в рыцари, отец Доррика решил объединить своих друзей в один отряд.

Итак, они были там, путешествуя по диким Духовным Дебрям, в полной кольчуге и снаряжении, запарившиеся, как в аду, и шумные, как стая чаек на набережной.

И Доррик не мог быть счастливее.

Он так долго работал, чтобы проявить себя перед рыцарями, своими товарищами-стажерами и перед своим отцом, уважаемым командиром Флагером Вантером. Он делал все, о чем его просили, во всем делал все возможное. Он добровольно соглашался на все, даже на уборку конюшен, просто чтобы отец гордился им.

Теперь он, наконец, отправлялся на задание в Духовные Дебри: «Может быть, я скоро заслужу свое рыцарское звание», - подумал он с улыбкой. Оставалось только надеяться.

Конечно, он не был в восторге от дикой природы, ибо какой здравомыслящий человек стал бы это делать? Он слышал все истории, обо всех диких и опасных духах и существах, которые свирепствовали повсюду, об озорном древесном народе и варварских людях, населявших обширные пространства дикой природы к югу от их великого города. Они неуклонно расширялись, создавая фермерские общины и открывая шахты, но это было трудно и медленно.

Обитатели диких земель, какими бы отсталыми они ни были, все же оставались людьми и поэтому нуждались в их помощи. И рыцари были готовы помочь. Отсюда и их сегодняшняя миссия.

Доррик держался за рукоять своего меча, висевшего у бедра, и тащился вместе со своими товарищами. Его взгляд метался между деревьями, между их серой корой и большими сине-зелеными листьями. Они шли уже несколько часов с тех пор, как спешили на путевой станции много миль назад, поскольку сэр Ногрунд не хотел подвергать лошадей наведению порчи древесного народа, нашепывая им на ухо успокаивающие слова. И Доррик внимательно следил за древесным народом и духами, но пока что Духовные Дебри казались не такими уж и призрачными.

Он не мог решить, хорошо это или нет.

«Ты никогда их не увидишь, если будешь так пристально пялиться на эти деревья», - раздался голос его лучшей подруги Марселлы Батер, которая шла рядом с ним, казалось, ни о чем на свете не заботясь.

Доррик не внял ее совету: «Я не позволю им наброситься на меня».

«Они набросятся на тебя, если захотят наброситься».

Что, вероятно, было правдой. В ходе своих исследований он узнал, что эльфийский древесный народ, который был не совсем призрачным, но определенно и не людьми, мог дематериализовываться в деревья и путешествовать между ними через корневую систему. Они могли бы быть на деревьях прямо сейчас ... наблюдать, выжидая подходящего момента для атаки.

Он ухмыльнулся и покачал головой. Такой тип паранойи может привести к гибели рыцаря. И все же он не терял бдительности.

Они молча шли в строю еще час: сэр Ногрунд впереди, Доррик и Марселла сзади, а их товарищи-оруженосцы Эван и Олло между ними. Эван и Олло были братьями, сыновьями мясника из бедного района, но у них были золотые сердца, которым Доррик иногда завидовал. Доррик был хорошим человеком, но эти двое были самыми милыми существами на планете. Возможно, они были слишком милы для рыцарей, потому что иногда приходилось быть жестким, чтобы сделать то, что нужно, но от этого Доррик не стал любить их меньше.

Хотя они были братьями с разницей в возрасте всего в год, они почти не были похожи друг на друга. Кто-нибудь, проходя мимо них по улице, не нашел бы в них никакого сходства. Эван был размером со слоненка и бил также с силой слона. Широкое лицо, большие уши и нос величиной с яблоко, глаза маленькие и серые, а на круглых щеках - ямочки. Олло был несколько выше своего брата, худощавый, с мускулистыми чертами лица, точеными по сравнению с круглыми чертами лица его брата. У него был ужасный шрам от ожога на левой стороне челюсти, оставшийся после того, как в детстве он играл слишком близко к духовке.

Это не сдерживало привязанности их собратьев-оруженосцев женского пола, хотя к тому, чтобы заводить любовников в своих рядах, командование относилось неодобрительно.

Доррик поймал себя на том, что часто мечтает о возможности иметь такие же отношения, как у этих двоих. Будучи единственным ребенком в семье командира и не имея матери, он провел одинокое детство. На самом деле эти двое и Марселла были его единственной семьей, но он никогда не получал от них такой любви, какую они проявляли друг к другу.

«Ты слишком погружен в себя, Доррик», - сказала Марселла с дерзкой улыбкой. При звуке ее голоса его лицо потеплело.

«Я не улавливаю, что ты имеешь в виду».

«У тебя всегда такое отсутствующее выражение лица, когда ты глубоко задумываешься, и твои брови так сурово сдвинуты, что они похожи на пушистую гусеницу».

Идущий впереди них Олло прыснул со смеху от этого замечания, но больше ничего не сказал. От этого все лицо Доррика покраснело так, что даже ушам стало жарко. Марселла хихикнула, проведя рукой по своим рыжим волосам. Они были завязаны сзади в тугий узел, хотя несколько прядей упали ей на лицо и на глаза медового цвета.

<http://tl.rulate.ru/book/91388/3063369>